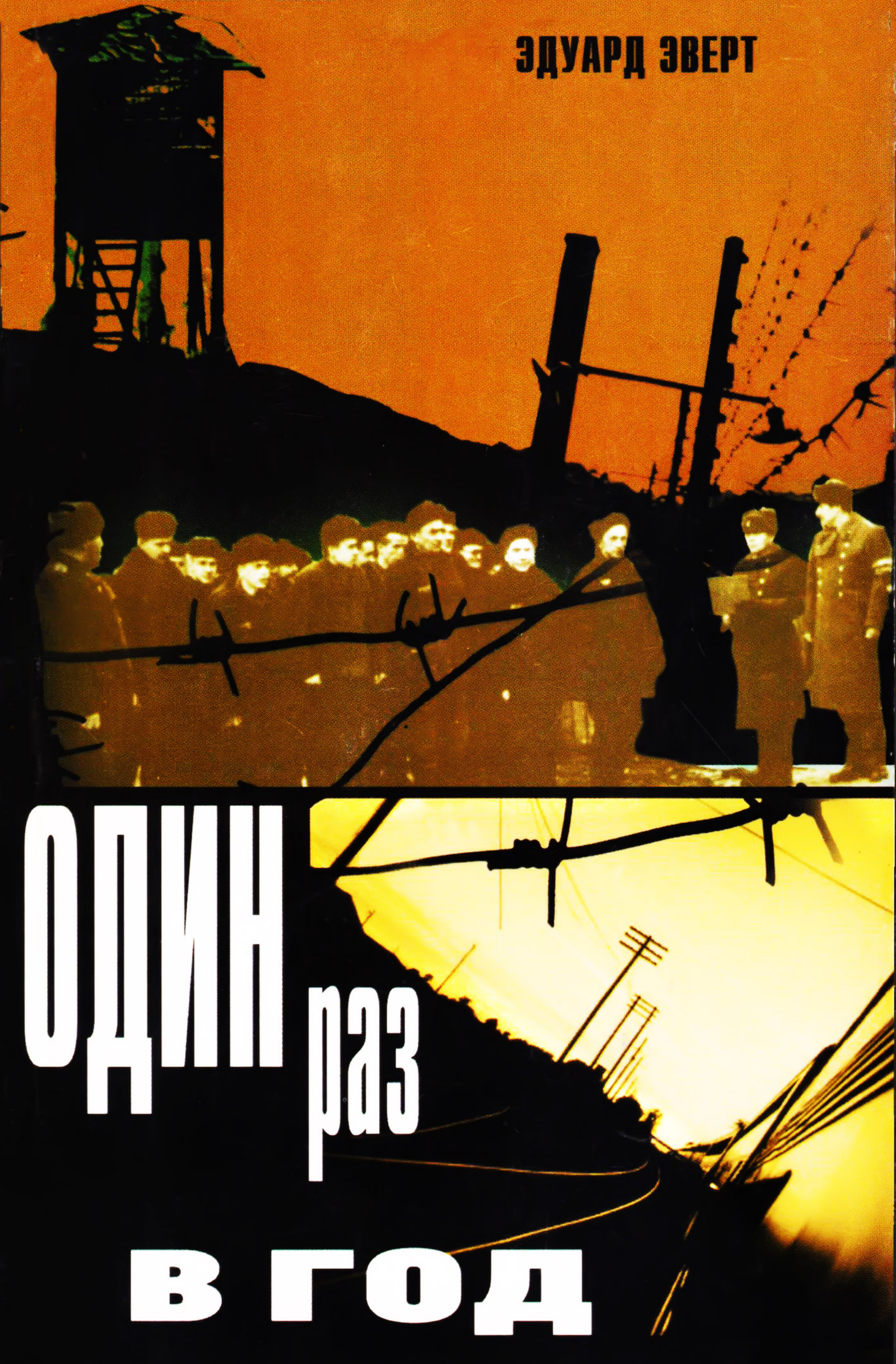

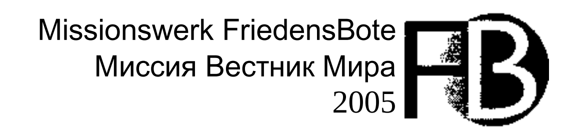
ЭДУАРД ЭВЕРТ
ОДИН раз
в год

Эдуард Эверт

ОДИН РАЗ В ГОД

Эдуард Эверт

ОДИН РАЗ В ГОД

Missionswerk FriedensBote
Миссия Вестник Мира
2005

Э. Эверт. ОДИН РАЗ В ГОД

Оформление обложки *Кирилл Шульга*

© Missionswerk FriedensBote, 2000

**Missionswerk FriedensBote Postfach 14
16 D-58530 Meinerzhagen**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом рассказе все события подлинны. Изменены лишь имена, поскольку переживания и проблемы, описываемые здесь, выпали на долю тысяч христиан, посещавших своих родных и близких в страшных местах лишения свободы. Книга повествует о поездке семьи узника-христианина на свидание к мужу и отцу. Не много лет отделяют нас от того времени, когда за проповедь и распространение Евангелия в Советском Союзе лишали свободы. Однако трудные годы лишений и страданий ради Христа были не бесплодны. На христиан с интересом и любопытством смотрели их неверующие соседи и знакомые. При этом рассуждали между собой, сколько же христиане еще смогут выносить несправедливые гонения и нелегкие страдания.

Присматривались к поведению преследуемых и их гонители. Последние, более чем кто-либо другой, доподлинно знали, что судят верующих и лишают свободы не за преступления. В последующие годы бывшие гонители христиан не раз и не два признавались, что внутренне симпатизирова

ли своим жертвам и втайне желали им остаться верными своим убеждениям.

Благодарение Богу, стойкость христиан среди лишений объясняется не их личностными качествами, но Божьей милостью, помощью и защитой. Это обстоятельство стало явным для всех. И потому тяжелое положение одних стало поводом для других искать Того, Кто и в долине плача приготовляет источники радости (Псалом 84,7).

Повествование в предлагаемом рассказе ведется от лица мальчика по имени Виктор, которому в 1983 году было восемь лет. В 1981 году его отец вместе с двумя другими членами церкви евангельских христиан-баптистов был осужден за проповедь Евангелия. За первым сроком лишения свободы, в течение которого происходили описываемые здесь события, через короткое время последовал второй. В 1994 году решением Казахской республиканской прокуратуры оба приговора были признаны незаконными, и отец Виктора был реабилитирован. Это примечание делается лишь с той целью, чтобы убедить скептиков в реальной оценке имевших место событий.

Одна из целей данного повествования — познакомить читателя с переживаниями членов семей христиан-узников, о которых известно значительно меньше, чем о самих узниках.

Автор в особенной мере признателен тысячам верующих, которые вопреки официальным запретам (в Советском Союзе благотворительная деятельность церкви была законодательно запрещена) молитвами, словами утешения и де

лом активно поддерживали его семью. Государственной поддержки многодетной семье «преступника» не полагалось.

Если бы не регулярная забота поместной и окружающих церквей, если бы не поддержка верующих, поступающая из разных стран мира, многодетные семьи узников-христиан были бы практически обречены. Из благодарности Господу и вам, известным и незнакомым братьям и сестрам по вере в Христа Иисуса, объединившего нас в одну семью, я желаю поделиться переживаниями минувших лет. Хочу ободрить этим и тех, кому сегодня трудно, потому что Бог и сегодня силен помочь тем, кто вопиет к Нему день и ночь.

Автор

МОЙ ПАШ НЕ ПРЕСТУПНИК

Меня зовут Виктор. Мне восемь лет. Некоторые взрослые дяди и тети думают, что это мало, и потому считают меня еще ребенком. Конечно, они знают больше меня. Но так будет не всегда; к тому же они меня уже и теперь недооценивают. Эх, когда же я буду взрослым, чтобы иметь те же преимущества, что и взрослые, и не спрашивать каждый раз их разрешения на то, что хочу?

Разных желаний у меня много. Некоторые из них могли бы исполниться уже теперь. Если бы мой папа был дома. А пока... мама говорит: «Потерпи еще немного». Два года нашей жизни без папы уже позади. Осталось полгода ждать его. Как это все-таки много. И время идет так медленно! Мы точно подсчитали, сколько листочков в календаре еще осталось оторвать до возвращения папы. Каждый вечер мы по очереди с большой радостью их отрываем. И все же их ещё так много.

По вечерам мы - у меня три брата и две сестры - часто сидим с мамой, и каждый рассказывает, что помнит о папе. Нам это не надо-

едает, даже если что-то рассказывается в третий и в четвертый раз. Особенно нравится нам вспоминать о том, как папа приходил с работы домой. Мы смотрели в конец улицы, откуда он должен был появиться. Кто замечал его первым, тот громко кричал: «Папа!» Мы бежали наперегонки ему навстречу и прыгали ему на шею. Он так и нес нас домой. Потом мы что-нибудь вместе делали. После наших общих воспоминаний мы вместе склоняем колени и молимся о папе.

Папа находится очень далеко от нас. Два дня и две ночи нужно ехать к нему на поезде. Прибывает поезд туда вечером, и потому приходится еще одну ночь где-то проводить, чтобы на утреннем автобусе ехать к зоне на окраине города Уральска. Там и находится папа.

Прежде я не знал, что такое тюрьма. Теперь же мы иногда посылаем папе паши рисунки: тюрьма и колючая проволока, за которой он стоит. Конечно, мы не знаем обо всем, что делается за глухими стенами и высокими заборами, над которыми протянуты электрические провода с ярким освещением. Этот свет нужен для того, чтобы часовые на вышках видели, не пытается ли кто-то перелезть через забор. Вооб- ще-то никто и не пытается это делать, потому что часовые вооружены и будут стрелять из автоматов. Если солдаты кого-то даже застрелят при попытке к бегству, то за это их наградят отпуском.

На расстоянии трех метров от высокой глухой бетонной стены находится забор из колю-

чей проволоки. Он тоже очень высокий. Перед ним еще один низкий забор из колючей проволоки. Когда мы однажды попытались подойти к нему, солдат с вышки что-то нам прокричал и направил на нас автомат. Мама просит нас не подходить к забору слишком близко, чтобы не злить солдат. Ведь за это нас могут лишить свидания с папой.

К папе мы ездим с огромной радостью, но это бывает очень-очень редко. Всего два раза в год разрешается папе свидание с нами. Но нас у мамы шестеро, и потому она может взять с собой каждый раз только половину, то есть троих. Так что только раз в год я могу видеться с папой.

В самый первый раз на свидание с папой мама взяла меня. Тогда мне было шесть лет, и я до сих пор не знаю, почему мне так повезло. Это было два года назад, после суда над папой. На суд нас, детей, не пустили. Один дядя сказал, что детям на суде быть не положено. Это просто смешно: они думают, что мы ничего в этом не понимаем, а сами не могут отличить правду ото лжи. Папу считают преступником за то, что он проповедует об Иисусе Христе и руководит христианским хором. Разве же это преступление? Как мог образованный судья сказать такое? Наверное, нас потому не пустили в суд, чтобы мы вдруг не стали кричать: «Отпустите папу домой! Наш папа не преступник, не вор, не разбойник!»

Через несколько дней после суда маме разрешили поговорить с папой. В то время он был

еще в тюремной камере. Так я в первый раз попал с мамой в тюрьму. Стены там серые и на маленьких окнах толстые решетки. Офицеры разговаривали с мамой очень грубо. После я спрашивал маму, почему они такие злые. Мама объяснила мне, что с ней обращаются, как с женой преступника. Нам пришлось долго ждать, пока главный начальник подписал разрешение на свидание. А потом офицер сказал, что разговаривать с папой нам разрешили всего 5 минут. От огорчения мне стало грустно: ведь я о многом хотел спросить папу.

Нас повели по длинным коридорам, в которых иногда нам навстречу шли солдаты с резиновыми дубинками. Мама сказала мне шепотом, что их называют надзирателями, потому что они смотрят за порядком. При переходе из одного коридора в другой надо было открывать тяжелую дверь из толстой железной решетки. Для этого у надзирателя был длинный ключ, который он со скрипом поворачивал в замке.

Наконец надзиратель остановился перед одной дверью, открыл ее ключом и впустил нас в очень маленькую комнату. Надзиратель запер за нами дверь и ушел. Длина и ширина комнаты была всего один метр, и в ней ничего не было, кроме телефона на подоконнике единственного окна. Через это окно с двойными стеклами была видна другая точно такая же комната. И там на подоконнике стоял телефон. Надзиратель сказал нам, что телефоны неисправны, поэтому нужно тромко говорить. Тогда мы сможем слышать друг

друга через двойные стекла.

Мы немного еще подождали, и вдруг в комнате напротив открылась дверь и в нее, держа руки за спиной, вошел папа. Следом за ним вошел надзиратель.

Увидев нас, папа улыбнулся, наклонился к окну и спросил: «Ну, как у вас дела?» Мама тоже старалась улыбаться, но у нее на глазах были слезы. И мне вдруг почему-то стало очень грустно и тяжело. Перед свиданием мама просила меня не плакать, чтобы не расстраивать папу, но я едва мог сдержаться. Я совсем забыл, что хотел рассказать папе. Я просто стоял и не отрываясь смотрел на папу. Он был к нам так близко! Даже не верилось, что мы разлучены. Это было, как в плохом сне. Не верилось, что теперь мы очень долго не увидимся. Наконец я собрался что-то папе сказать, но в этот самый момент надзиратель резко сказал: «Пять минут истекли, я прекращаю свидание». Затем он открыл дверь и увел папу. Через несколько минут он вернулся за нами и опять повел нас длинными коридорами с железными дверями мимо солдат и надзирателей к выходу.

До вокзала мы доехали на автобусе, потом на поезде поехали домой. Мама была всю дорогу какая-то другая— молчаливая и грустная. И у меня было такое чувство, как будто я что-то потерял. Я не понимал, как мы будем дальше жить без папы. Я не хотел и не мог к этому привыкнуть.

ПИСЬМО

За два года папиного пребывания в зоне я всего однажды был у него на двухдневном свидании. Теперь наступила моя очередь ехать к нему во второй раз. Нам еще оставалось получить письмо от папы, в котором он должен был сообщить о том, в какой день для нас освободится комната свиданий.

День, в который от папы приходило письмо, был для нас праздником. Мы знали, в какое время приходит почтальон, и смотрели в конец улицы, откуда он должен был появиться. Если у него было письмо от папы, то он уже издалека улыбался и протягивал его нам, бегущим к нему. Затем мы со всех ног спешили к маме и предлагали ей угадать, откуда сегодня письмо. Наверное, ответ на этот вопрос был написан на наших лицах. Мама каждый раз угадывала.

Дел у мамы всегда много. Но если письмо от папы, она все откладывала в сторону, вскрывала конверт и быстро пробегала глазами по исписанным мелким почерком страницам письма.

Так было и в этот раз. Мы нетерпеливо стояли вокруг нее и ждали, когда она прочтет нам письмо вслух. По лицу мамы всегда было видно, хорошие в нем новости или нет. И вдруг она оторвала взгляд от письма, посмотрела на нас и улыбнулась. Не дожидаясь объяснений, мы дружно закричали: «Едем на свидание! Ура! Когда будем отправляться?» Мама утвердительно кивнула, успокоила нас и прочитала все письмо вслух с самого начала.

До назначенного дня отъезда еще три дня. Время идет ужасно медленно. Или мне так просто кажется? В этот раз ехать к папе подошла очередь и моей младшей сестренке Марине. Ей был год, когда папу арестовали, поэтому она его вообще не помнит. Но это не мешает ей прыгать от радости по комнате и припевать: «Едем к папе, едем к папе!» Третьим из нас шестерых поедет в этот раз к папе мой младший брат Олег.

Наконец наступил вечер накануне нашего отъезда. Мама в последний раз проверяет содержимое чемодана и сумок, чтобы ничего не забыть. Я всегда удивлялся, как мама так много запоминает? Другие мои два брата и сестра остаются дома и завидуют нашему счастью. Они просят передавать папе горячие приветы и шоколадки в очень красивой обертке. Эти шоколадки были в маленькой бандероли из Германии. Мы договорились их не кушать, а отвезти папе.

Поезд прибывает на нашу станцию в 2 часа ночи. Я боюсь, что с будильником что-нибудь может случиться и он нас не разбудит. Потому решил для себя: не буду спать вообще.

Мы тихо разговариваем с Олегом, о чем надо будет обязательно рассказать папе, планируем, чем будем заниматься два дня в тесной комнатке для свиданий. В последнее время мама получила много писем и несколько бандеролей из разных городов и даже из-за границы. Все просили передавать папе привет. Одно письмо пришло даже из Новой Зеландии. Я еще ни разу не слышал о такой стране. Мама нашла ее на карте мира, и я удивился, как далеко люди знают о нашем папе. Значит, и там тоже есть верующие. Странно, почему же учитель в школе говорит, что таких отсталых от жизни верующих, как мы, нигде больше нет. Это письмо мы возьмем с собой, и папа ему тоже будет рад.

Один за другим засыпают мои братишки и сестренки. Я смотрю в темноту и пытаюсь мысленно представить себе папу. Может быть, и он сейчас не спит и думает о нас? Если бы он только знал, что мы уже через три часа будем сидеть в поезде и ехать к нему! Как-то он рассказал маме, что в ожидании нашего приезда подолгу смотрит вдаль из маленького окна своей камеры на втором этаже. Сверху ему немного видна дорога, проходящая за многими заборами зоны. По ней идут или едут только те, кто приехал на свидание, или зоновские работники. Жаль толь

ко, что его барак расположен не у самого забора. А нам подойти к забору нельзя. Конечно, папа узнал бы нас даже на расстоянии нескольких километров, если он в это время не находится на работе.

Я пробую представить себе, как мы приближаемся к зоне и смотрим на окна мрачных серых бараков. В одном из них папа. Вот было бы здорово, если бы он нам помахал из окна! Тогда бы мы сразу знали, что это он. Правда, иногда и другие заключенные машут людям руками. Мама объяснила нам, что это обычно те, к кому никто не приезжает. Такие радуются хотя бы за других и приветствуют приехавших. Издалека заключенных невозможно распознать, потому что они все одинаково одеты и наголо подстрижены.

Вдруг мне пришла мысль, от которой сразу стало не по себе: а если нам свидание с папой не дадут? Ведь однажды так уже было. В тот раз мама вернулась из Уральска очень печальная и сказала нам, что начальство лишило папу свидания с семьей. У него обнаружили маленькое Евангелие от Иоанна, которое там иметь запрещалось. Может быть, папе и удалось бы сохранить его втайне, но другие осужденные, которые никогда не читали Евангелие, просили его у папы. И вот какой-то злой осужденный донес об этом надзирателю. У папы сразу же сделали обыск личных вещей и Евангелие отняли. Когда мама приехала на свидание, ей сказали, что папа злостный нарушитель режима содержания. Он уже и так осужден за про

поведование и не прекращает этого в тюрьме. И за это его посадили в штрафной изолятор. Это еще намного хуже тюрьмы, потому что там две недели не дают воды, чтобы умыться. Летом там очень жарко и душно и много насекомых, а зимой холодно, потому что окна без стекол. Теплую одежду у наказанных отбирают. Кушать почти не дают.

Когда мама нам обо всем этом рассказывала, в ее глазах стояли слезы. Затем она зашла в свою комнату и долго не выходила. Мы знали, что она молится, и старались вести себя очень тихо.

Впоследствии мы узнали, что в штрафной изолятор папу все-таки не посадили. За «запрещенную книгу» его решили наказать побольнее и лишили свидания с семьей. Он писал нам в письме, что предпочел бы много раз сидеть в штрафном изоляторе, чем лишиться общей радости свидания.

Как будет в этот раз? Мы уже так настроились на радостную встречу. А вдруг надзиратели опять найдут какую-нибудь причину для лишения свидания? Я решил помолиться об этом Иисусу: ведь Он знает все и может нам помочь. Встав на колени у своей кровати, я помолился Господу Иисусу Христу, чтобы Он все хорошо устроил. Попросил, чтобы злые люди ие смогли лишить нас свидания в этот раз. После этого я завернулся в одеяло и сразу уснул.

ДОЛГИЙ ПУТЬ

Я проснулся от маминых слов: «Сынок, ты хочешь ехать к папе?» Хочу ли я к папе?! Как пружина, выскочил я из-под одеяла и спешу к рукомойнику, протирая на ходу глаза. Мама просит нас одеваться потише, чтобы не разбудить спящих.

У дверей стоят упакованные огромная сумка и большой чемодан, которые мы возьмем с собой. Я пытаюсь поднять чемодан, но могу только на несколько Сантиметров оторвать его от пола. Не понимаю, как мама хочет его нести? В сумке сковородка, тарелки, картошка и другие продукты. Все это нам понадобится во время нашего двух- или трехдневного свидания с папой. Кроме того, в сумках еда на дорогу и еще пяти килограммовый продуктовый пакет для папы, который мы хотим ему передать в зону. Два раза в год папе разрешается получать такой пакет.

К вокзалу мы идем пешком, потому что ночью автобусы не ходят. Наш тяжелый багаж несут друзья - верующие из нашей общины. С ними

мы чувствуем себя в ночной темноте увереннее.

Поставив сумки на пол в здании вокзала, наши помощники признались, что устали от тяжелой ноши. Однако мама считает ее не очень тяжелой, потому что она для папы.

Простояв около часа в очереди, наши друзья приобретают для нас железнодорожные билеты в общий вагон и помогают нам сесть в поезд. В вагоне свободных мест нет, но с нижней лавки поднимается спавший на ней пассажир и уступает нам часть своего места. Мама укладывает сестренку на какую-то боковую лавку рядом с узлами и чемоданами, мы с Олегом протискиваемся к окну, чтобы все видеть. Наконец наступает долгожданный момент: поезд медленно трогается с места. За окном темно. Лишь по стуку колес и проплывающим за окном редким огням нашего спящего поселка заметно, что мы движемся. Наконец исчезают последние фонари, и я ничего больше не могу разглядеть.

Внезапно чувствую, как кто-то трогает меня за плечо, и слышу голос мамы: «Сынок, проснись, нам пора выходить». Открыв глаза, вижу, что в вагоне и за окном вагона совсем светло. Настал день. Колеса под нами стучат все медленнее, и слышен скрежет тормозов. Наш вагон остановился напротив огромного здания вокзала, на котором большими буквами написано «ЦЕЛИНОГРАД». Здесь нам предстоит пересадка в другой поезд. На нем мы лишь к вечеру следующего дня прибудем на место.

ASSA

Как только поезд остановился, из всех вагонов стали торопливо выходить пассажиры. Другие с перрона стремились поскорее пробраться в вагон, чтобы занять освободившиеся места. От этого была сильная давка.

— Не отставайте от меня,— сказала мама мне и Олегу.

Одной рукой она прижимала к себе Марину и в ней же держала небольшую сумку, другой несла чемодан. За вторую сумку мы с Олегом взялись вдвоем. Мужчина, наш сосед по лавке, тоже сходил с нами. Увидев наши отчаянные усилия, он предложил свою помощь и понес вторую тяжелую сумку. За эту помощь мы были ему и Богу очень благодарны. Мама сказала впоследствии, что это Бог внушил незнакомому дяде нам помогать.

Нам предстоит спуститься в подземный переход и пройти по длинному коридору в зал ожидания. От короткой ночи, душного воздуха в вагоне и тяжелой ноши я устал. Только сознание того, что мы едем к папе, удерживало меня от жалоб.

Справа и слева, навстречу нам и обгоняя нас, спешат люди. Все они тоже куда-то едут. В подземном переходе неприятный запах и полумрак. Я рад, когда мы наконец прошли его и поднялись наверх. В здании вокзала тоже много людей. Мы заходим в зал ожидания, с трудом находим свободную скамейку, ставим свой багаж и наконец садимся.

— Ох, как я устал,- бормочу я, но взгляд на маму заставляет меня замолчать.

Она еще больше устала, но ободряюще улыбается нам и тихонько говорит:

— Скоро мы будем у папы.

От этих слов я забываю обо всем грустном.

Мама поручает мне смотреть за Олегом, мы оба должны в четыре глаза смотреть за вещами, а она берет Марину на руки и идет к кассам, чтобы закомпостировать билеты на другой поезд. Через короткое время она возвращается и грустно говорит нам, что билетов ни на один поезд нет. От огорчения мы чуть не заплакали. Мама предложила:

—Давайте скажем об этом Иисусу; Он же знает, что нам нужно ехать к папе.

Мы встали в тесный кружок, и мама помолилась, чтобы Иисус помог нам закомпостировать билеты. Затем она достала для нас из сумки пирожки, чтобы нам не так тяжело было ее ждать, и снова ушла.

В этот раз мама так долго не возвращалась, что мой брат уже чуть не плакал. Он спрашивал меня:

—Может быть, мама забыла, где мы находимся, и больше нас не найдет?

Я старался его успокоить, хотя и сам уже не знал, что дальше делать. На больших круглых настенных часах большая стрелка сделала уже три круга, а мамы все не было. Очень часто передавались объявления о прибытии поездов, и тогда многие люди поднимались со своих скамеек и торопились к выходу. Вместо них приходили другие и занимали

освободившиеся места. Перед несколькими кассовыми окнами стояли длинные очереди. Но люди в них продвигались очень медленно. Часто из окошка слышался охрипший голос кассира: «Я же сказала вам, что на этот поезд свободных мест нет!» Я не знал, на какой поезд нет мест, но нам нужно было только на тот, который привез бы нас к папе. Люди казались мне усталыми и раздраженными. Они почти не разговаривали друг с другом. От нечего делать я решил сосчитать людей в одной очереди, дошел до семидесяти и сбился со счета.

Нам уже очень хотелось есть и спать. Наконец мы решили, что один из нас пойдет на поиски мамы, а другой останется у вещей. Найти маму в длинных очередях, протискиваясь между многими людьми, казалось мне сложным. Олег с этим бы не справился. Поэтому я сказал ему, чтобы он никуда не уходил и ждал меня. Моему брату было страшно оставаться одному, но другого выбора у него не было, и он согласился.

Только я собрался идти, как Олег радостно закричал:

— Мама идет!

На руках мамы была спящая Марина, лицо мамы выглядело усталым, но радостным и довольным. Улыбаясь, она показала нам закомпостированные билеты. От радости мы забыли о голоде и запрыгали, крича:

— Едем к папе! Едем к папе!

Мама едва успокоила нас и тут же поблагодарила Господа за оказанную помощь. Мы тоже стояли рядом с ней и были благодарны Иисусу. При этом мы даже и не заметили, что люди за нами наблюдают.

После маминой молитвы одна женщина спросила:

- Вы, наверное, верующие?

- Да, мы верующие,- ответила мама.

Незнакомая женщина продолжала, обращаясь к маме:

- Нелегко же вам одной с тремя детьми и тяжелым багажом... Где же ваш папа?

- Именно к папе мы и едем,- просто ответила мама.

К разговору прислушались и другие люди, которые сидели рядом с нами. Один мужчина спросил:

- Что же, ваш папа в командировке или на курорте?

- Нет,- заявил Олег,- наш папа в тюрьме.

- В тюрьме?! У таких славных ребятишек папа в тюрьме? Наверное, это шутка,- улыбнулся мужчина.

Все больше голов поворачивалось к нам. Пожилая женщина вмешалась в разговор и сказала, обращаясь к мужчине:

- Перестаньте смеяться, это некрасиво. В народе говорят: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся».- Тут я подумал, что у женщины, наверное, тоже кто-то в тюрьме сидит. Затем женщина повернулась к нам и сочувственно добавила:

- Бедные детки, за что же вам-то страдать приходится?

Мне вдруг стало неприятно при мысли, что эти люди считают папу за преступника, и я сказал женщине:

- Наш папа в тюрьме за Христа.

- За Христа? Как это понять? - удивилась женщина. С ближайших к нам скамеек все больше людей с интересом прислушивалось к нашему разговору. Мы с Олегом, перебивая друг друга, объясняем спрашивающим, как наш папа оказался в тюрьме.

- Что же, за Христа стоит сидеть в тюрьме? - вновь спрашивает нас мужчина.

- Конечно, стоит,- реагирую я тут же.- Иисус Христос тоже умер на кресте не за Себя, а за других.

Люди задавали нам новые и новые вопросы, и мы рассказывали им про праздник Пасхи, который недавно праздновали.

В разговоре мы совсем забыли, что хотели кушать. Не заметили даже, как быстро прошли минуты до прибытия нашего поезда. Неожиданно громко на весь зал ожидания раздалось: «Поезд Барнаул - Днепропетровск прибывает на первый путь». Многие тут же встали с мест и заторопились к выходу. Некоторые из пассажиров, узнав номер нашего вагона, подхватили наш багаж и понесли к поезду. Нам оставалось только не отставать от них.

Люди помогли нам зайти в вагон. В нем было много пассажиров, и все нижние места

были заняты. Мама с Мариной поднялась на вторую полку, на другую вторую полку влез я, а Олег залез на третий этаж. Это была багажная полка, совсем жесткая и узкая. Но мой брат был еще маленький, поэтому поместился рядом с чемоданом. В вагоне жарко и душно, но мы от всех волнений и переживаний так устали, что забыли даже о голоде и быстро уснули.

Когда я проснулся, поезд почему-то стоял. Но в окно я не увидел ни вокзала, ни перрона. Увидел только несколько глинобитных домов да пасущееся невдалеке стадо коров. Многие пассажиры ходили вдоль состава или сидели просто на земле.

- Почему мы здесь стоим? - спросил я маму, которая сидела с Мариной на нижней лавке. Людей в вагоне было уже меньше.

- Тепловоз поломался,- ответила она,— Мы уже три часа стоим на разъезде.

В вагоне жарко, как в бане. Получив разрешение мамы, мы с Олегом вышли из вагона. В казахской степи была весна, и поэтому не все еще выгорело от жаркого солнца. Вдоль рельсов и по откосам росла трава, а среди нее маленькие полевые цветы. «Хорошо было бы нарвать букет цветов для папы»,— думаю я. Но я уже знаю, что надзиратели не разрешат папе поставить цветы в бараке. У них почти на все просьбы один ответ: «Не положено!»

Наконец раздается длинный сигнал тепловоза. Все торопятся к вагонам. Нам помогают

забраться в свой вагон, потому что на разъезде нет перрона и с земли до первой ступеньки вагона высоко. Еще через несколько минут наш поезд наконец трогается.

Постепенно наш интерес к езде на поезде угас. За окном только бескрайние степи, очень редко мелькнет железнодорожная будка осмотрщика путей или полузаброшенные домики пастухов. Время от времени поезд останавливается на небольших станциях. Л больших городов на нашем пути вообще нет. К концу близился только первый день путешествия, за которым нас ожидал еще один день в пути.

На второй день в нас усиливается ожидание встречи с папой. Мама рассказывает нам о нем разные истории, и этот день не кажется нам таким длинным.

Но всему приходит конец. Ближе к вечеру второго дня проводник прошел по вагону и сообщил: «Следующая станция Уральск. Готовьтесь к выходу». Ура! мы приехали, ликовали мы, еще не зная, что нас ожидает впереди.

Уральск — большой город. Это заметно сразу, потому что поезд долго едет с замедленной скоростью мимо домов и разных построек. Наконец он останавливается напротив вокзала. Мы с Олегом беремся за ручки большой сумки, стараясь доказать маме, что мы тоже мужчины. Мы едва в состоянии оторвать ее от иола, но сдаваться не хотим. Мама несет Марину и держит той же рукой еще что-то, в другой руке у нее чемодан. Кто-то помогает нам, и вот мы на пер

роне вокзала незнакомого города. Где-то здесь недалеко наш папа.

Нам предстоит переночевать у верующей женщины, о которой мама нам сказала, что она очень гостеприимная. Только она уже очень старенькая и часто болеет. В городе есть еще несколько верующих семей, но они живут так далеко от вокзала, что пешком к ним идти невозможно.

Пока мы дошли до домика старой женщины, стало почти темно. От усталости мы едва передвигаем ноги. На наш стук из дома к воротам выходит мужчина. Он чем-то раздражен, хмуро кивает на наше приветствие и знаком показывает, чтобы мы шли в дом. О нем мы уже знаем, что он неверующий сын старой женщины. Он часто пьет водку, и если у него нет на это денег, то он требует их у своей матери. Мужчина и сейчас пьян: от него сильно воняет водкой. Он оставляет нас в прихожей, а сам проходит в комнату. Мы слышим, как он ругается и требует у своей матери деньги на водку. А она получает только маленькую пенсию. И к тому же она не хочет давать своему сыну деньги на то, что его губит.

Внезапно мы слышим, что в соседней комнате мужчина ударил свою маму. Мы слышим ее плач и не знаем, что нам делать. Защитить старушку мы не можем, и от этого мне очень тяжело. Мама склоняется на колени и молится, чтобы Господь Сам вступился за старуш

ку. О, если бы я был взрослым и сильным, я бы научил этого негодяя уважать свою маму! Но пока я на это не способен, и мне ничего другого не остается, как склониться рядом с мамой. По звуку тяжелых шагов и стуку входной двери мы догадываемся, что мужчина вышел из дома. Мама входит к старушке в комнату и старается ее утешить. Затем мы все вместе молимся за пьяного старушкиного сына. После этого она угощает нас чаем, и мы укладываемся спать.

Но я еще долго не могу уснуть, потому что не могу освободиться от мыслей о пьяном мужчине. Как он мог поднять руку па свою маму? Это же ужасно! Я еще могу понять, что он не верит в Бога, что он пьяница. Так живут многие люди. Но бить свою родную маму?.. Я, конечно, еще не знаю, кем стану, когда вырасту, но таким - никогда! Намного лучще даже в тюрьму попасть за Христа, как папа!

ЖДАТЬ, ЖДАТЬ, ЖДАТЬ...

Рано утром, как только начинают ходить автобусы, мы отправляемся на автобусную остановку. Ожидание близкой встречи с папой постепенно вытесняет впечатления от прошедшей ночи. Наш автобус полупустой, потому что еще рано. Ехать нам пришлось долго, папина зона находится на окраине города Уральска. Наконец последние большие городские дома остались позади, и мы увидели вдалеке забор из колючей проволоки. Вначале он показался нам маленьким, но по мере приближения к нему вырастал все выше и грознее. Меня охватило волнение: за этим забором находится папа!

Конечная остановка автобуса. Мы выходим и направляемся к штабу. Штаб - это дом, в котором находится управление зоны. Там нам нужно оформить свидание с папой. Мама нам рассказала, что в зоне больше двух тысяч заключенных, а для свиданий всего шесть комнат. Не всех осужденных посещают родственники, поэтому комнат достаточно. Иног

да они даже все пустые. Конечно, жаль этих осужденных, если о них все забыли. Папа рассказывал, что очень многие осужденные ни от кого на свете не слышат ни одного доброго слова. От этого они становятся еще более жестокими.

Положив лист бумаги па чемодан, мама написала на нем заявление на свидание и, взяв Марину на руки, пошла к штабу, чтобы его сдать. Я и Олег решили обойти вокруг зоны. За заборами из колючей проволоки высились двухэтажные бараки. Мы знали, что камера папы на втором этаже. Мы решили, что если нам повезет, то мы увидим папу через окно. От забора мы держимся на приличном расстоянии, чтобы солдат на вышке нас не прогнал. Но как нам узнать папу? В каждом из бараков много окон. Олег смотрит на окна перед нами, а я оборачиваюсь, чтобы еще раз оглядеть окна бараков, которые остались позади. И вдруг я заметил, как из форточки одного окна чья-то рука размахивает белым листом бумаги. Окно далеко, и если бы не белый лист на фоне серой степы барака, то разглядеть только руку было бы непросто. Конечно, это мог быть только папа! Кто бы еще, кроме него, заинтересовался двумя мальчишками, гуляющими вдоль забора?

Я хватаю Олега за руку и, показывая в направлении окна с белым листом, громко шепчу ему в ухо: «Там папа!» Олег поворачивает голову и тут же кричит во все горло: «Па-а-а-

па!!!» Я уже готов его отругать за крик, из-за которого нас могут лишить свидания. Но, быстро взглянув в сторону вышки, отмечаю, что солдат делает вид, будто ничего не слышит. Тогда и я кричу: «Па-а-па!»

Лицо папы мы не можем видеть. В маленькую форточку проходит только его рука, а за темными стеклами окон больше ничего не видно. Но папа понял, что мы его узнали. После нашего крика рука задвигалась быстрее.

Вдруг рука с белым листом сделала движение в сторону, как бы показывая нам, чтобы мы ушли, и быстро исчезла за окном. Может быть, он заметил какую-то опасность? Нам же захотелось поскорее рассказать маме, что мы уже увиделись с папой. К штабу мы побежали наперегонки. Но еще до того, как мы успели открыть рот, мама спросила, улыбаясь:

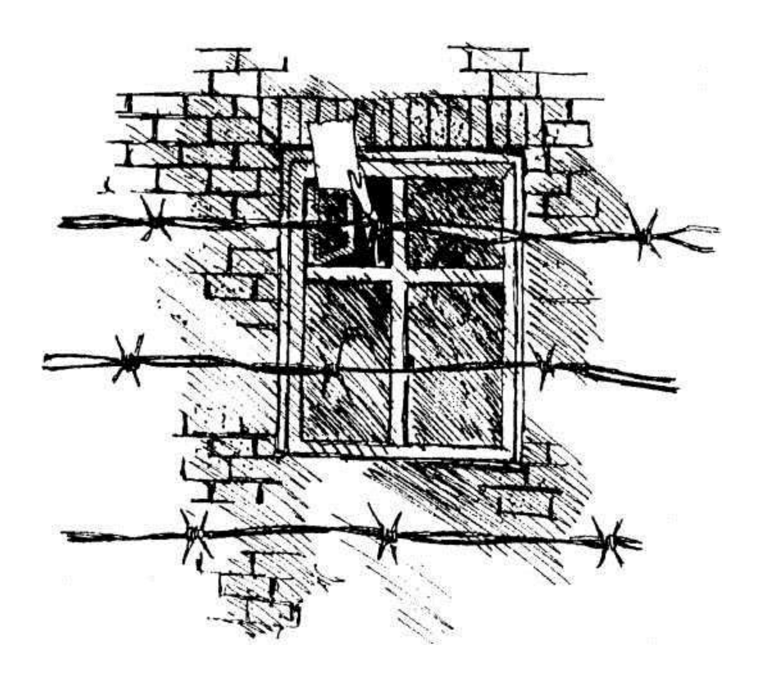
— Ну что, видели папу?

—Да, мы видели руку с белым листом,- наперебой заговорили мы, тяжело дыша от быстрого бега.

Мама не сразу поняла, причем тут рука с белым листом. Затем улыбнулась:

—Ну вот и хорошо, теперь он знает, что мы здесь. Теперь можно спокойно ждать времени начала свиданий.

Однако спокойно ждать нам очень нелегко. На улице очень жарко, а комнаты ожиданий нет. С несколькими женщинами, приехавшими на свидание к своим сыновьям, мы тоже стоим у входа в штаб. Наконец из двери

вышел сержант и собрал все заявления. Он пообещал через час сообщить результат, кому свидание разрешат, а кому нет. Оказывается, некоторых лишают свидания за какие-нибудь нарушения.

Мы очень волнуемся, потому что, во-первых, папа продолжает говорить с осужденными о Боге, несмотря на то, что надзиратели ему это запретили. Во-вторых, в этот день на свидание приехало вдвое больше людей, чем было комнат. Нам не остается ничего другого, как надеяться, что Тот же Господь, Который так чудесно послал нам билеты, поможет нам и теперь. Во всяком случае, так нам сказала мама, и нам становится легче. Только маленькой Марине всего этого не объяснишь, и она начинает хныкать: «Хочу к папе. Когда мы пойдем к папе?» Почти все время она на руках у мамы.

Прошел час и еще полчаса. Наконец в дверях штаба появился сержант. Ожидающие результата женщины обступили его со всех сторон. Сержант вернул всем заявления о предоставлении свидания с пометками администрации. Некоторым матерям и женам осужденных он сухо сказал, что их родственники — нарушители режима содержания и за это наказаны лишением очередного свидания. Женщины плачут, объясняют сержанту, что очень долго были в дороге, что последние деньги истратили на приобретение билета и продуктов для передачи, что специально для этой поездки взяли отпуск на работе. Они не понимают,

за что и их наказывают. Уже год они не видели своих близких. Разве нельзя придумать для осужденных другого наказания за нарушение режима? Сержант, наверное, привык к таким просьбам. На все слезные мольбы сжалиться он резко отвечает:

— Ваши родственники ничего лучшего не заслужили. Если они будут себя лучше вести, то получите свидание через полгода. Все, разговор окончен!

Мама подошла к нам, стоящим в стороне, и показала резолюцию администрации на нашем заявлении: «Очередное свидание положено». Мы готовы были уже прыгать от радости, но мама объяснила нам, что эту резолюцию еще должен подписать начальник, который будет после обеда. Лишь тогда мы можем быть уверены, что увидим папу.

Но мы уже и теперь не сомневаемся в том, что начальник подпишет заявление, и с радостью готовы ждать сколько угодно. Правда, нам немного стыдно проявлять свою радость рядом с рыдающими женщинами. Поэтому мы молчим, а я думаю, какие первые слова скажу папе при встрече.

Времени впереди еще много, и мы с Олегом решили обойти всю зону. Она оказалась совсем небольшой. 51 не могу понять, как на такой маленькой территории живут и работают больше двух тысяч человек. Издалека мы видим, как на втором этаже некоторых бараков открываются форточки и люди смотрят в шину сторону. Кто-

то даже рукой помахал. Но разглядеть мы никого не можем, потому что расстояние до них большое.

После обеда мама с Мариной на руках пошла к начальнику. В этот раз она очень долго не возвращалась. Одна за другой выходили из штаба женщины с подписанными заявлениями. Мы насчитали их шесть. Шесть? Значит, нам свидания не будет? Ведь комнат для свидания всего шесть. Наше радостное ожидание сменилось унынием, и тут я вдруг остро почувствовал, как я устал и проголодался. Но мамы все не было.

Наконец и она вышла из дверей штаба. Лицо ее было бледным. Но когда мы подбежали к ней, она неожиданно улыбнулась.

—Начальник подписал? - громко и нетерпеливо спросили мы с братом в один голос.

—Тише,- успокоила нас мама,- не разбудите малютку.

Затем она рассказала нам, как начальник ей втолковывал, что не может разрешить нам свидание с папой. Во-первых, папа не исправляется и нарушает режим содержания. За проповедь о Христе папу посадили в тюрьму, а он не делает из этого выводов, продолжает беседовать с осужденными о Боге.

Во-вторых, администрация требует, чтобы папа помогал ей поддерживать среди осужденных порядок, а папа отказывается. Мы уже знаем, что это значит: от папы требуют, чтобы он шпионил за другими и тайно докладывал адми-

нистрации о нарушениях. Я бы от этого, конечно, тоже отказался. Эго нечестно, и к тому же после этого такого человека никто больше слушать не захочет. Порядок будет тогда, объяснял папа свою позицию администрации, если все будут верить в Бога.

Кроме того, сказал начальник маме, все комнаты свиданий уже заняты. Мама молча слушала его и про себя тихо молилась. Вдруг начальник взглянул на спящую на руках мамы Марину и спросил: «Первый раз к отцу?» — «Да,- ответила мама,- и если бы вы знали, каким тяжелым был наш трехдневный путь к вам».

После этого начальник смягчился. «Ну хорошо,- сказал он,- ради этой девчушки разрешу вам свидание». Затем он распорядился, чтобы двух женщин, приехавших к своим сыновьям, поместили в одну большую комнату. Нам досталась одна из пяти маленьких.

НАКОНЕЦ У ЦЕЛИ

Мы вне себя от радости. От былой усталости нет и следа. Еще полчаса — и перед нами открывается тяжелая железная дверь. Почти сразу за дверью еще другие двери, закрытые на железные засовы. Солдаты проверяют мамин паспорт, внимательно смотрят на каждого из нас и с громким лязгом отодвигают засов следующей двери. За ней еще одна дверь, в комнату контроля. Наши вещи и нас обыскивают несколько солдат и офицер. Один офицер вынимает из сумки наши шоколадки, которые мы перед поездкой к папе получили в посылке. Мы не стали их кушать, чтобы привезти папе. Но офицер объяснил, что осужденным шоколад передавать не положено. Я опять ничего не мог понять: детям шоколад можно, а взрослым почему-то не положено? Еще в комнату вошла женщина в форме и сказала маме, чтобы она прошла с ней для личного обыска. Она хотела убедиться, что у мамы в одежде не спрятано ничего запретного. Но у нас зап

ретного ничего нет, и вскоре все унизительные процедуры закончены.

Наконец мы в следующем коридоре, из которого двери ведут в шесть комнат свидания. Мы входим в третью дверь.

Комната очень маленькая, примерно 2,5 x 3,5 м. В ней помещаются две узкие кровати, маленький стол и две табуретки. У самого входа маленькая тумбочка для продуктов. Мы ставим наши вещи у тумбочки, и мама первым делом молится с нами - благодарит Бога за услышанные молитвы. Затем она вынимает из сумки картошку и другие продукты и начинает готовить поздний обед. Папы пока нет, и мы уже давно не ели. Поэтому мама не хочет терять ни минуты времени. Когда папа придет, уже что-то будет готово. Готовить она будет на малюсенькой плитке с открытой красной спиралью.

В комнате есть окно, по оно закрашено белой краской, и за ним еще виднеется толстая решетка. За окном высокий забор, так что смотреть в окно все равно неинтересно.

Нам мама разрешила выйти в коридор ожидать папу. В коридоре железная решетчатая дверь, которая закрыта на замок. Наконец мы слышим, как на другом конце коридора с громким лязгом открывается железный замок. Один за другим в коридор входят семь заключенных и среди них наш папа! Из дверей других комнат свидания тоже выглядывают приехавшие к заключенным матери или жены. Впереди заключенных идет

надзиратель; длинным ключом он отпирает решетчатую дверь.

Папа нас уже увидел. Он улыбается нам и поднимает в приветствии руку. Мама строго предупредила нас, чтобы мы не бежали ему навстречу, потому что это может привести к неприятностям. Но ох, как тяжело стоять на месте! Мы собираем последнюю силу воли и входим в нашу комнату.

— Папа идет,- тихонько говорю я.

Мама кивает в ответ, и я вижу, что она тоже волнуется. На столе уже все готово к обеду. Не понимаю, когда мама это все успела сделать?

Наконец долгожданный миг: дверь открывается, и в комнату входит папа. Мыс Олегом бросаемся ему навстречу и повисаем у него на шее. Даже про маму мы в этот момент забыли. О, как часто я представлял себе этот день, сколько раз я мечтал, о чем буду ему рассказывать! У меня были свои планы, в которые я хотел посвятить папу. Не на все мои вопросы мама могла ответить и потому говорила: «Вот поедешь к папе, там все и спросишь».

Папа крепко прижимает нас к себе, затем осторожно освобождается от нас и обнимает маму. Я вижу у нее слезы на глазах, и у меня вдруг тоже комок подкатывает к горлу. Мне почему-то захотелось заплакать. Странно, ведь у нас радость встречи, при чем же здесь слезы?

Затем наступает очередь нашей сестренки.

—Мариночка была сегодня нашим пропуском к тебе,- шутит мама.

Папа шагнул к Марине и протянул к ней руки, желая поднять ее, и тут произошло непонятное. Не говоря ни слова, Марина отбежала от него и спряталась за маму. Дома мы много говорили Марине о папе, показывали ей его фотографии. Она так радовалась, что скоро папу увидит. И вдруг такое...

Мы стараемся объяснить сестренке, что это и есть наш папа. Она же, крепко ухватившись за мамино платье, отрицательно качает головой. Мы пытаемся подтолкнуть ее к папе, но она начинает плакать. Таким она папу не могла себе представить. Мы оставляем ее в покое. Но не прошло много времени, как Марина все же осторожно приближается к папе. А к вечеру того же дня они уже были большими друзьями.

—Давайте поблагодарим теперь Господа Иисуса Христа за нашу встречу,- говорит папа.

Он молится один, а мы все громко говорим на его молитву «аминь!»

Первые впечатления от встречи были такими бурными, что мы и не заметили, что мы в комнате не одни.

—Смотри, мама, что это? - испуганно воскликнул Олег, показывая на тумбочку.

Привлеченные запахом хлеба, откуда-то повылезали во множестве тараканы. Они быстро бетали по тумбочке среди расставленных пакетов с продуктами, рядом с тумбочкой по степам и по полу. Они были светло-зеленые и в два- три раза больше черных, которых я уже раньше видел.

Папа осторожно приподнял нижнюю полку тумбочки и отшатнулся. Там было бесчисленное множество личинок, маленьких и больших насекомых, которые от попавшего на них света еще активнее зашевелились.

—Как дети смогут ночью спать среди такого множества насекомых? - обеспокоенно сказал папа.

К счастью, сержант-надзиратель находился в это время в коридоре. Папа позвал его в комнату и поделился с ним своей тревогой. Надзиратель посмотрел на бегающих насекомых и сказал:

—Это пищевые тараканы, они на людей не лезут.- И добавил: - У меня дома тоже такие есть.

Папа попросил разрешения выставить тумбочку - тараканий инкубатор - в коридор. Надзиратель ничего не сказал и вышел. А через час пришел дежурный офицер, резко открыл дверь и заорал:

—Кто здесь хочет мебель выбрасывать?! Я сейчас же прекращу ваше свидание, если здесь кто-нибудь еще пикнет!

Прокричав еще несколько угроз, офицер наконец вышел.

От такого грубого, оскорбительного обращения нам становится тяжело. Нам очень ясно дают понять, что мы родственники преступника и лучшего не заслуживаем.

И все-таки радость от встречи постепенно вытесняет все неприятные ощущения. Мы у

папы и папа с нами - это главное. Мы садимся в тесный кружок и отвечаем на вопросы папы. Он все хочет о нас знать: чем мы занимаемся, какие у нас успехи в школе, в какие игры мы играем, любим ли ходить на богослужения, чем занимаются оставшиеся дома и многое другое. Еще я хотел папе рассказать, как меня однажды одноклассники избили. Как один из мальчишек мне сказал: «Если и ты станешь проповедником, как твой отец, то я стану милиционером и тебя гоже в тюрьму посажу». Мама посоветовала мне этого папе не говорить. Зачем его расстраивать?

ЕЩЕ О ТАРАКАНАХ И О «ЖУЧКЕ»

—Все к столу, иначе обед остынет,— прерывает наш разговор мамина команда.

Два раза повторять это нам не нужно. Папа благодарит Господа за пищу, и мы дружно принимаемся за еду. Стол стоит в другом углу комнаты, куда тараканы еще не добрались. На столе так много лакомств, что папа удивленно спрашивает:

— Откуда у вас такое богатство?

—Великая семья христиан не забывает своих узников и их семьи. О нас многие заботятся,- говорит мама и начинает перечислять: - Мясо прислали посылкой из Сибири, помидоры из Алтайского края, фрукты из Средней Азии.

Некоторые продукты были из Прибалтики и Украины, а шоколад аж из Германии. Его нам все-таки разрешили пронести с собой, чтобы мы, дети, его ели. Но мы, конечно же, отдали его весь папе.

После позднего обеда, который был скорее ужином, мы все чувствуем сильную усталость. Поэтому вскоре начинаем готовиться ко сну.

Ведь на другой день мы снова будем вместе. Папа смотрит с беспокойством в сторону тумбочки с тараканами. Он даже попытался было их уничтожать, но вскоре прекратил. Их, кажется, ие становилось меньше. Папа говорит, что видел разных кровососущих насекомых, превращающих ночь заключенных в муку, но таких огромных еще не видел. Перед сном мы все вместе молимся. Кто-то из нас, детей, помолился и о том, чтобы Господь убрал из комнаты тараканов.

Ночь прошла спокойно, а утром папа с восхищением сказал нам, что должен учиться так же просто и доверчиво молиться, как мы, дети. Тараканов не было видно ни на тумбочке, ни рядом с ней! Куда они все попрятались, мы не знаем, но до конца нашего свидания они больше не появлялись. Искать их мы не стали — без них приятнее.

Начался второй день свидания с папой. Мы совершенно забываем, что наш папа - осужденный, что за стеной барака совсем другой мир — людей-преступников, среди которых папа один- единственный христианин. Мы вместе, и это наш маленький семейный рай.

Из нашей комнаты мы можем выходить в общий коридор. Туда же иногда приходят надзиратели и дежурный из осужденных, который подметает пол и прибирает в комнатах. Неожиданно этот осужденный отозвал папу в сторону, осмотрелся по сторонам, чтобы убедиться, что никого рядом нет, и спросил его очень тихо:

— КГБ тобой не интересуется?

Папа ответил, что КГБ за ним следил, когда он был на свободе.

— Зачем тебе это нужно знать? - спросил папа.

— Когда я готовил вашу комнату для свидания,- объяснил дежурный,- в нее внезапно вошли несколько наших офицеров из оперчасти. С ними было двое совершенно незнакомых мне людей. Мне приказали немедленно уйти. Очень может быть, что они установили в вашу комнату подслушиватель. Будьте осторожны.— Сказав это, дежурный тут же ушел.

Папа вошел в комнату и показал маме на стены, затем на свои уши. Мама понимающе кивнула. Я тоже сразу догадался. Мы знали, что КГБ тайно устанавливает «жучки» в некоторых домах, где живут верующие. Уже не один раз такие подслушиватели были обнаружены. Папа и мама начинают молча обследовать всю комнату. Через несколько минут мама поднимает руку. Другой рукой она показывает на щель в углу комнаты, где сходятся два плинтуса. Щель шириной примерно в полсантиметра, и в ней хорошо виден круглый плоский предмет из желтого металла. К нему ведет плохо замаскированный в штукатурке тонкий провод. Мы знали, что за стеной нашей комнаты находится комната надзирателей. Так вот почему и прежнее свидание с папой было в этой же комнате. Что же нам теперь делать? Очень неприятно, когда знаешь, что за тобой постоянно наблюда

ют и подслушивают. Как теперь нам друг с другом разговаривать? Мы знаем, что возмущаться этим безобразием не имеет смысла. Нам тотчас прекратят свидание, а эго не в наших интересах.

Папа нашел выход. В угол с подслушивателем он складывает на пол всю нашу верхнюю одежду, сверху кладет одеяло и все эго уплотняет тяжелым чемоданом. И еще папа нам, детям, сказал, что теперь мы можем шуметь и прыгать, сколько хотим. При нашем шумовом заслоне родители могут тихо говорить о делах в церкви и о других вопросах, не боясь уже быть подслушанными. Вечером мы во весь голос поем наши любимые песни об Иисусе. Пусть надзиратели их слушают.

И ВНОВЬ РАЗЛУКА

Наступает третий день, день нашего отъезда. Сразу мосле обеда мы должны покинуть комнату свиданий, расстаться с папой. Впереди еще несколько часов общения, но почему-то уже теперь какая-то грусть давит на сердце. Время бежит все скорее. Мы стараемся ничего не забыть, еще и еще раз обсуждаем вопросы, которые волнуют нас и оставшихся дома. До обидного быстро наступило время обеда. Еда на столе, как всегда, очень вкусна, но мы едим без энтузиазма и аппетита. Папа старается нас ободрять, но и по его глазам видно, что ему нелегко.

Еще немного, и нам придется покинуть этот «рай», в котором ни толстые решетки на окнах, ни тараканы, ни подслушиватель не смогли умалить радость нашей встречи. Нам, конечно, лучше, чем папе: из этой душной комнаты мы выйдем на свободу. Там мы можем идти и ехать, куда нам захочется. Папа выйдет через другие двери и вернется в неволю. Туда, где нет вкусной еды, где осуж-

денных и за людей не считают, где многие умирают от пыток и болезней. Но кто-то должен и этим людям рассказать об Иисусе Христе, Который может простить преступникам их грехи. Папа сказал, что он единственный христианин среди двух с половиной тысяч заключенных и что ради проповеди Евангелия стоит там находиться.

В дверь нашей комнаты кто-то резко стучит. Это дежурный офицер. Он командует, чтобы мы прощались. В последний раз мы молимся вместе. Папа наказывает нам передавать нашей церкви, всем друзьям и близким сердечные приветы. Затем его уводят, и дверь за ним закрывается. Увидимся мы еще раз или нет - мы не знаем.

Через 10 минут надзиратель вернулся, чтобы вывести и нас из комнаты. Прежде, чем выпустить на свободу, нас в последний раз обыскивают. У мамы из сумочки вынимают письма, которые дедушка и бабушка писали папе. Они на немецком языке, и надзиратель их не понимает. Он говорит, что заберет эти письма для проверки, и обещает нам их вернуть. Но таких неисполненных обещаний мы уже много слышали.

Наконец нас выводят в контрольный пропускной коридор с железными дверями. Солдаты опять строго смотрят в наши лица, проверяют наши документы. Затем массивный засов вытаскивают из тяжелой железной решетчатой двери, и мы выходим на улицу. Ух, как легко дышится свежим приятным воздухом на

свободе! Хочется поскорее убраться подальше от этой тюрьмы с ее неприятными запахами, грубыми людьми и мрачными, тесными камерами. Но там остается наш папа, и потому нам нелегко расстаться с этим местом. Мы надеемся, что через шесть месяцев увидимся с папой и больше не будем разлучаться. А пока нас опять будет разделять 2 000 километров.

Мы направляемся к автобусной остановке. На душе у нас немного грустно и тоскливо. Наш путь проходит мимо забора зоны. Внезапно мой братишка кричит: «Папа нам машет руками!» Мы останавливаемся как вкопанные и поворачиваем головы в сторону зоны. Конечно, это мог быть только папа! Он стоит на крыше барака, хотя это строго запрещено, и машет нам прощально руками. Из окон других бараков нам также смотрят вслед некоторые заключенные. Их лица трудно различимы. Иные тоже машут нам рукой. Мы тоже изо всех сил машем пагге руками. Едва слышно до нас доносятся папины слова: «До сви-да-ни-я!»

Эдуард Эверт родился в 1949 году на Урале, в месте ссылки своих родителей. В пятнадцатилетнем возрасте он пережил сознательное возрождение и посвятил свою жизнь Иисусу Христу. В последующие годы в Северном Казахстане он трудился в церкви как руководитель молодежи и дирижер хора и оркестра. Наряду с этим он принимал активное участие в перевозках христианской литературы – Новых Заветов, сборников христианских песен и других книг, напечатанных нелегальной христианской типографией «Христианин». За этот труд он подвергался неоднократным арестам, был дважды судим и до 1987 года провел в местах лишения свободы в общей сложности пять лет. В 1994 году решением Казахской республиканской прокуратуры обе его судимости были признаны незаконными, и сам Эдуард Эверт был полностью реабилитирован.

В настоящее время он живет со своей семьей в г. Гуммерсбахе (Германия) и является сотрудником христианской миссии Фриденсботэ.

Повествование в книге «Один раз в год» ведется от лица восьмилетнего мальчика – сына автора, который вместе с сестренками и братишками мог видеться с отцом, находившимся в заключении, только раз в год. Таким образом нашим читателям предлагается возможность понять чувства и переживания детей, родители которых были преследуемы за веру в Иисуса Христа.

FB